

Оксана Довгополова

ПРОЕКТ МУЛЬТИИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЫСЛИ ПОСЛЕ СЕМИНАРА

Проект мультиидеологического образования, представленный доктором Ури Гершовичем, вызвал мой интерес еще в момент знакомства с его кратким описанием. Проведенный в июне 2011 семинар, на котором мы рассматривали текст шекспировского «Венецианского купца» в контексте мультиидеологической техники, подтвердил, что предчувствия не обманывали. Нам был представлен, на мой взгляд, крайне необходимый в ситуации кризиса концепции мультикультурализма проект, направленный не на декларацию абстрактного многообразия мира, а на поиск возможности *услышать* голос другого, встать на позицию другого. Проект предполагает прочтение одного и того же текста с позиций иногда враждебных идеологических (в широком смысле этого слова как системы взглядов, ценностей и убеждений определенной социальной группы) установок. Согласившись участвовать в эксперименте, надо осознавать, что комфортной игры не получится, участник неизбежно должен будет заставить себя сойти с привычного маршрута истолкования мира. Никто не гарантирует, что это будет приятно. Проект заставляет задуматься слишком о многих вещах – возможна ли его реализация в полной мере? Не повлечет ли попытка реализации конфликты, которых в мультикультуралистской парадигме можно было бы избежать? Но, с другой стороны, возможно, только *практика* вхождения в раз-

личные идеологические позиции может оказаться спасительной для человека, живущего в современном мире, в котором иное подходит к любому из нас так близко, как никогда ранее.

Направление взгляда автора проекта оказалось абсолютно созвучным моим собственным теоретическим поискам. Попытка разобраться с сущностью феномена чужого подвела меня к той же позиции – для того, чтобы состоялась встреча, нельзя пытаться «подкорректировать» встретившиеся взгляды в духе «общечеловеческих ценностей». Это только на трансцендентном уровне всё сливается, а живём мы в мире индивидуального – *in-dividua*, разделённого, отдельного, инакового. Так ли однозначен позитивный эффект политкорректных попыток обойти острые углы и предотвратить конфликты? Не означают ли попытки проигнорировать различия (даже в форме признания многообразия мира – все имеют право на своеобразие, которое мне необязательно или невозможно понять) продуцирования почвы для конфликтов, тем более опасных, что природа их будет неясна? Носители идеологий примата общечеловеческих ценностей и «мультикультурализма» в одинаковой мере не склонны всматриваться в суть различий – первые как второстепенного, вторые – как того, что никогда не может быть понято (и также второстепенного для моего существования).

Автору этих строк представляется продуктивным оттенить основания «мультиидеологического» проекта выводами современного немецкого феноменолога Бернхарда Вальденфельса, создателя так называемой респонзивной феноменологии и автора работ, посвященных сущности феномена Чужого. Бернхард Вальденфельс определяет ситуацию явления Чужого как *претерпевание* и раскрывает смысл этого явления описанием ситуации ранения. Физическое воздействие насильственно определяет меня к вниманию [1, с. 46], выводит из автоматического существования в повседневности. Особенностью ситуации претерпевания Б. Вальденфельс считает то, что смысл здесь «погружает в реальном воздействии» – здесь мы не нацелены на нечто, что идет нам навстречу, что вызывает нашу инициативу и одновременно дожидается нашего ответа. Скорее, действительность перебивает нашу речь, она овладевает нами. Согласно Б. Вальденфельсу, мешающее или ранящее не является чем-то, что разочаровывает наши интенции, словно негативный результат теоретических или практических усилий. Оно есть нечто, что пресекает

наши интенции в их свершении [1, с. 55]. Ситуация интенционального сбоя, описываемая Б. Вальденфельсом, характеризуется преимущественно пассивного претерпевания, отсутствия возможности активной реакции. Причём в данном случае пассивность означает не просто ситуацию, в которой я удовлетворяюсь восприятием того, что само себя кажет. Нет, здесь мое поведение стопорится, приостанавливается и, в крайнем случае, прекращается [1, с. 56]. В случае претерпевания мы приближаемся к *границе* человеческого поведения – претерпевание означает, что мы должны либо преодолеть каким-то образом негативное воздействие, либо умереть. Пребывание в реальности, не узнаваемой нами в её чуждости, невыносимо.

Если следствием утраты обжитым миром контуров обжитости не стала смерть (в любом своём варианте, не обязательно в форме физического исчезновения), возникает возможность начать «лечение» своего пространства. Обращаясь к трактовке ситуации столкновения с Чужим, разработанной Б. Вальденфельсом, можно сказать, что наличие сбоя возбуждает желание его исправить. А началом исправления является истолкование. Я толкую, что именно я вижу, пытаюсь подвести это неизвестное под знакомые и привычные мне категории, то есть начинаю осознанно осуществлять ту деятельность, которая в повседневной жизни осуществляется мной автоматически.

Чужое, согласно Б. Вальденфельсу, может быть определено как вне-порядковое (*Das Auberordentliche*) [2, с. 6]. Таким образом, Чужое представляет собой скорее *ситуацию* – ситуацию интенционального сбоя, «претерпевания», «ранения». Вылеченный сбой уже не даёт нам возможности прикоснуться к Чужому.

Какое отношение упомянутые выкладки создателя респонзивной феноменологии имеют к проблеме мультиидеологического образования? Я намеренно заострила внимание на невозможности переживания чужого без интенционального сбоя. Чужое не может быть бесконфликтным.

Попытка представить различия несущественными, второстепенными перед лицом неких общечеловеческих ценностей не просто оказывается обреченной на поражение (мало-мальски конфликтная ситуация не способна быть разрешена исходя из подобной позиции), но и может иметь самые трагические последствия. Как, впрочем, и распространённая в последние десятилетия тенденция описывать Чужие культуры как замкнутые монады, ценность которых состо-

ит в перманентном обновлении нашей собственной идентичности. Оптимизм этой позиции базируется на послышке о том, что без чужого голоса не обретишь своего – именно предельная чуждость иных культур открывает нам единственно возможный путь «обретения голоса». Подобная установка предполагает позитивную открытость навстречу Чужому, готовность беречь его в его чуждости, отказ от попыток какого бы то ни было «центризма», истолковывающего господства. Позиция эта, несомненно, обладает колоссальной притягательностью именно в силу интенции отказа от собственного интеллектуального монополизма, удушающего живое движение мысли.

Однозначно позитивный характер осознания Чужого, как ни странно, приводит сторонников этой ориентации к балансированию на грани незамечания объекта столь высокой оценки. Мысль о встрече, казалось бы, являющаяся здесь базовой, в реальности отходит на второй план благодаря наличию послышки о принципиальной невозможности проникнуть в мир Чужого. Таким образом, стремясь отринуть западный, мускулистый, иудео-христианский, буржуазный и какой угодно другой центризм, сторонники поиска чужого голоса сосредотачиваются опять-таки на проблеме собственной замкнутости, из которой стремятся вырваться. «Многие на рубеже семидесятых годов испытывали потребность покинуть “альпийское” уединение рассуждающего субъекта, замкнутого в своей герменевтической целостности, видящего весь мир сквозь призму универсальных упорядочивающих категорий. Вырваться из этого интеллектуального хрустального дворца помогал наглядный контрпример – образ “другого”, самим своим существованием нарушавшего монолитный интеллектуальный порядок и опровергавшего его непреложность. Не беда, если об этом “другом” немного было известно, да в сущности, не было и особого желания узнать больше: важно было освобождающее “желание”, а не его объект; диалогизм, а не диалог» [3]. Чужой здесь оказывается идентификатором, что убивает изначальную нравственную установку невозможности подчинения одной культуры другой. В данном же случае Чужое начинают *использовать* именно в его непохожести, что ещё более уязвимо с точки зрения взаимоотношений господства-подчинения.

Встреча с Чужим неизбежно сопровождается конфликтом, дискомфортом, раздражением, вне зависимости от того, во что эта встреча выльется – во взаимное признание или смертельную враж-

ду. Представления о нетравмирующей встрече, положительный эффект от которой основывается на интеллектуалистском убеждении в «грамотности» собственной позиции по отношению к Чужому, – это утопия. Причём утопия тем более опасная, чем более убеждён её носитель в собственной правоте. Встреча с Чужим не может оказаться бесконфликтной хотя бы в силу того, что её участник не имеет возможности остаться таким, каким был до встречи. Если моё Я осталось неизменным, то встреча не произошла. Опасность вопрошания – не просто красивая формулировка Жака Деррида. Выходя навстречу Чужому, даже не отвечая, а только вырабатывая новый язык для общения с Чужим, я неизбежно меняю очертания собственной вселенной. И никто в мире не может гарантировать, что эти новые очертания понравятся мне больше. Поэтому вопрошание опасно, оно подводит человека к границе, шагнув за которую, он может увидеть мир таким, каким вовсе не рассчитывал. Здесь не существует ни репетиций, ни принципа обратимости, ни правил, которые направили бы человека по нужному пути. Да, встреча с Чужим раскрывает потенциальные возможности мира, даёт шанс увидеть, что наш порядок – не единственный. Придерживающегося этой преимущественно оптимистической позиции Б. Вальденфельса можно поддержать в его истолковании раскрепощающего Чужого. Я не собираюсь отрицать этот путь. Просто нужно помнить при этом, что, отважившись взглянуть в глаза Чужому, мы отдаёмся на волю случая, оказываясь от привилегий истолкованности обжитого пространства.

В контексте сказанного именно интенция мультиидеологичности позволяет сохранить освобождающий импульс мультикультуралистского подхода, избежав при этом потери Чужого. Признавая неизбежность наличия иной позиции и несводимость её к нашей, мы не пытаемся остановиться на фиксации герметической замкнутости иной культуры. Для современного мира, в котором не осталось мест, где можно было бы предохранить себя от встреч с радикально иным, подобная стратегия оказывается стратегией выживания.

Литература:

1. Вальденфельс Б. Мотив Чужого. – Минск.: ПроPILEн, 1999. – 176 с.
2. Вальденфельс Б. Топографія Чужого: студії до феноменології Чужого. – Київ: ППС-2002, 2004. – 206 с.
3. Гаспаров Б.М. В поисках «Другого» (французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов) (Origin: <http://viscult.by.com/article.php?id=308>)